

А.А. ЖЕЛНИНА

«ГЕТТО В ХОРОШЕМ СМЫСЛЕ» ПРОТИВ «БЕТОННОГО ГЕТТО»: РАЙОННЫЕ ДИСКУРСЫ И РЕНОВАЦИЯ В МОСКВЕ¹

Желнина Анна Александровна, кандидат социологических наук, доцент Департамента социологии Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге; Российская Федерация, 192148, г. Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, корп. 2.

E-mail: azhelnina@gmail.com

Программа реновации жилья в Москве была официально объявлена в начале 2017 года и еще до формирования списков домов под снос вызвала сильный эмоциональный отклик у москвичей. В данной статье я демонстрирую, как городские эмоции были задействованы в ходе мобилизации за и против программы. Интересным элементом этой эмоциональной работы стало эмоциональное конструирование периферийности: отталкиваясь от различных представлений о том, что такое периферия, горожане формулировали представления об идеальном и нежелательном городе. Восприятие прошлого и будущего, а также эстетика, связанная с ними, как я покажу ниже на примере нарративов о реновации, не только формируют восприятие места, но могут превратиться в инструмент политического действия. Противники и сторонники реновации пытались отстоять свое право не быть на периферии: сторонники старались избежать замедленного и заброшенного существования районов пятиэтажек, максимизировать современность и интенсивность своей жилой среды. Противники реновации, наоборот, противились наступлению периферии — высотного, насыщенного социальными проблемами жилья.

Ключевые слова: программа реновации жилья; Москва; периферия; эмоции; темпоральность

Цитирование: Желнина А.А. (2019) «Гетто в хорошем смысле» против «бетонного гетто»: районные дискурсы и реновация в Москве // Городские исследования и практики. Т. 4. № 2. С. 21–36.
DOI: <https://doi.org/10.17323/usp42201921-36>

Введение

Московские районы, затронутые реновацией, трудно классифицировать с точки зрения спектра «центр/периферия». Возникшие в середине XX века на периферии тогдашней Москвы, в начале XXI века эти районы оказались в «серой» зоне между историческим центром города и новыми окраинами. И хотя районы социалистической застройки середины прошлого века не были «забыты», они не были и центром внимания московского показательного благоустройства. Агрессивно продвигаемые интересы московского центра, нашедшие свое воплощение в реновации, нарушили спокойное существование этих районов, которым теперь суждено видоизмениться и стать более похожими на то, какой часто представляется новая городская периферия, — зонами с высотным жильем, скудной зеленью и выросшим населением.

В этой статье я предлагаю рассмотреть «периферийность» не столько как пространственную характеристику, сколько как состояние, которому свойственны ряд социальных характеристик

¹ Публикация подготовлена в результате проведения исследования 19-04-010 «Неравенство в новых жилых районах Москвы» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019–2020 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

и специфическая темпоральность. Периферийность территории может заключаться в ограниченности поступающих туда ресурсов: финансовых, административных, а также ресурса внимания (медийного, политического, обывательского). В социологических исследованиях города именно это измерение периферии — социальная и политическая исключенность — наиболее изучено.

Другое связанное с социальным исключением измерение, которое я обозначаю как «периферия-крайность», выражается в удаленности, плотности, а также эмоциональной нагруженности места. Периферия-крайность может восприниматься как отклоняющаяся от «нормального» города по обеспеченности инфраструктурой, уровню преступности, особенностям образа жизни. Периферия-крайность приковывает к себе внимание СМИ, может вызывать моральные паники и превратиться в стигму.

Наименее изучено темпоральное измерение периферии. Ритм жизни места (замедленность/ускоренность) задает разнородные правила для разных городских территорий, определяет их восприятие местными жителями и сторонними наблюдателями. Самый очевидный пример — скорость предоставления услуг, в частности, государственных, которая в периферийных районах ниже. Этот показатель напрямую связан с упомянутым выше механизмом социального и политического исключения. Специфическая темпоральность может проявляться и в восприятии места как укорененного в прошлом или нацеленного в будущее.

Исключенность или положение в центре внимания, замедленность или интенсивность, ориентация на прошлое или будущее — потенциальные оси для анализа периферийности. Их можно рассматривать как объективные характеристики места (анализируя потоки ресурсов, сроки предоставления услуг и другие измеряемые показатели), однако сейчас фокусом моего внимания будет то, как подобные критерии структурируют восприятие мест горожанами и участвуют в процессах социального конструирования и производства периферии.

Эти процессы неожиданным образом проявились как реакция на объявление программы реновации жилья в Москве в 2017 году. В интервью с жителями районов, попавших в реновацию, встречаются нарративы о них как «сонных», самодостаточных, «гетто в хорошем смысле слова»; программа реновации при этом выступает как способ изменения статуса района. Сторонники реновации иногда видят в ней не только возможность улучшить свои жилищные условия, но и модернизировать всю среду обитания, привести ее в соответствие с более «центральными», современными представлениями. Противники реновации, наоборот, часто сопротивляются превращению своего любимого, обжитого района в очередную типичную периферию, «бетонное гетто». В данной статье я анализирую представления о центральнойности и периферийности в контексте мобилизации москвичей за и против включения их домов в программу реновации.

Методы

Статья основана на материалах социологического исследования, начатого весной 2017 года и продолжающегося по настоящее время. На данный момент собран массив интервью с жителями четырех московских районов, затронутых реновацией. Среди них есть как сторонники, так и противники программы, люди с разной степенью вовлеченности и активности. Подавляющее большинство — жители домов, которые находились под угрозой включения в программу. В дополнение к интервью собрана база документов, публикаций в СМИ, а также проведен анализ тематических групп в социальных сетях.

Четыре района, в которых проводилось исследование, были отобраны на основе результатов голосования о включении в реновацию. На основании доли вышедших из программы зданий был сформирован рейтинг районов Москвы. Для исследования был отобран один район из числа лидеров по выходу из программы, один район с невысоким уровнем голосования против и два района со средними показателями. В каждом из четырех районов были проведены интервью со сторонниками и противниками реновации, жителями вошедших и вышедших из реновации домов, а также соседних зданий. Такой дизайн исследования обусловлен фокусом на социальных процессах на уровне районов и зданий: формирование и укрепление гражданских инфраструктур, активистских сетей и районных идентичностей.

Кроме того, с весны 2017 года проводилась цифровая этнография социальных сетей, в частности, тематических групп, посвященных реновации. Здесь также соблюдался принцип кон-

центрации на четырех районах, выбранных для проведения интервью. Однако общегородские тематические платформы и группы за и против реновации тоже были включены в анализ. Городские и районные медиа, посвященные реновации, стали основной платформой для рекрутинга информантов. Использовалась, хотя и ограниченно, методика «снежного кома»: дизайн исследования требовал выборки разных зданий в районе и людей с разной позицией. В целях сохранения анонимности информантов в данной статье используются псевдонимы. Районы также анонимизированы, и названия районных форумов в данной работе не разглашаются. Поэтому в статье приводятся цитаты из анонимизированных интервью и данные из общегородских тематических групп.

Что такое периферия?

Самое распространенное и лаконичное определение периферии — географическое: периферией исследователи называют территории на окраине городского образования, противопоставляя их городскому ядру или центру [Beauregard, 1995; Ranganathan, 2014; Желнина и др., 2013]. Такие территории на стыке городской и сельской местности, на географическом краю города, как отмечает Абдумалик Симон [Simone, 2010], приобретают особые содержательные характеристики, постоянно меняются и развиваются, преобразовывая не только городские границы, но и городскую жизнь.

Хотя географическая периферийность таких районов важна, не она является их основной характеристикой. Определение периферийности исключительно на основании отношения к центру приводит к тому, что это понятие применяется для описания содержательно весьма разнообразных мест. Например, в случае Москвы исследователи часто обозначают как периферийное все пространство города между Третьим транспортным кольцом [ТТК] и Московской кольцевой автодорогой (МКАД) [Григорян, 2013; Шляховая, Дохов, 2018]. В результате «[м]осковская периферия в таких границах занимает 90,4% площади города, там проживает около 90% населения Москвы» [Шляховая, Дохов, 2018, с. 42]. Такое определение оправданно в контексте исследований центра, который противопоставлен всему остальному, но едва ли может быть полезно для понимания процессов, происходящих на огромной и разнообразной территории, обозначенной как периферия.

Периферийность как содержательная характеристика основана в первую очередь не на географической окраинности места, а на его положении в социальном пространстве. В этом контексте городские периферии — это районы социального исключения: самострой, трущобы, районы с отсутствующей или плохо развитой транспортной и санитарной инфраструктурой [do Rio Caldeira, 2000; Holston, 2008; Oviedo Hernandez, Titheridge, 2016]. И хотя периферийное положение в географическом и социальном пространстве нередко совпадают, это необязательное условие.

Наиболее ярко это показал в своих работах Лоик Вакан: сравнивая французские и американские районы-«гетто», он подчеркивает не столько их географическую, сколько социальную маргинальность [Wacquant, 1993, 1999, 2008]. В силу специфической логики развития городов в США центр города (или «внутренний город», inner-city) во второй половине XX века стал местом концентрации бедности и маргинальности. Пространственная логика окраины в таких случаях уже неприменима, однако ограниченность ресурсов и внимания, повышенные страхи и моральные паники (по поводу преступности, стилей жизни местной молодежи) приравнивают эти географически центральные районы к периферии-крайности.

Социальное исключение и политическое игнорирование — основные процессы, которые производят социальную периферию. Совпадение пространственной и социальной периферийности неудивительно: социальное пространство стремится реализоваться и объективироваться в пространстве физическом [Бурдье, 2007]. Кроме того, исследователи нередко подчеркивают политический аспект производства места [Golubchikov, Phelps, 2011]. Обычно в таких случаях имеется в виду способность облеченных властью игроков — представителей городских органов управления и бизнеса — задавать направление развитию территорий.

Однако обычные граждане также участвуют в этих процессах формирования места, в том числе политически. Например, Ранганатан [Ranganathan, 2014] анализирует, как жители окраин индийского Бангалора вовлекаются в коллективные действия, чтобы добиться не только благоустройства своего района, но и его символического и политического признания. Майлс

и Эбри [Miles, Ebrey, 2017], анализируя повседневную жизнь окраинных районов шотландского Абердина, приходят к выводу, что они являются самодостаточными и полноценными благодаря укорененной и органичной культуре гражданского участия их жителей.

Темпоральность периферии — многообещающее направление, относительно недавно появившееся в городских исследованиях [Ghertner, 2017; Rast, 2012; Sakizlioglu, 2014; Wallace, 2015]. В контексте исследований реновации в Москве и социально-политических процессов, которые эта программа спровоцировала, особенно интересны работы, посвященные темпоральности районов под угрозой — джентрифицируемых [Wallace, 2015] или предназначенных под снос [Sakizlioglu, 2014]. Восприятие прошлого и будущего, а также эстетика, связанная с ними, как я покажу ниже на примере нарративов о реновации, формируют восприятие места, а также могут превратиться в инструмент политического действия. Эстетическое суждение, как показывает Эшер Гертнер, не безобидно: оно может стать инструментом принятия решений о судьбе городских районов (например, о сносе трущоб в Дели за их неэстетичность), подменяя другие, более обоснованные, инструменты городского планирования [Ghertner, 2015].

Таким образом, периферия в социологическом смысле — это результат не физической окраинности, а политического и социального производства места и исключения. Критические городские исследования обычно фокусируются на том, как облеченные властью и владеющие экономическими и административными ресурсами агенты участвуют в производстве районов социального и политического исключения. Однако обычные горожане, их повседневность и политические действия также играют ключевую роль в производстве городской периферии. Производство периферийности — многогранный процесс, включающий в себя, наравне с политико-экономическим компонентом, ряд социальных процессов, в том числе аффективное, эмоциональное производство места.

Теоретическая оптика данной статьи — роль эмоций в процессах производства периферии и связанного с ней социального и политического исключения. Именно эмоциональные дискурсы о городских территориях позволяют проследить, как конструируются и политизируются образы города и конкретных городских территорий, как проговаривается представление об идеальном и нежелательном городе.

Городские эмоции и политика

Жилье неизбежно вызывает эмоции: дом — это центр онтологической безопасности человека. Кроме того, дом — элемент идентичности человека, основа его связи с сообществом, чувства принадлежности к нему [Duyvendak, 2011]. Городская жизнь всегда эмоционально нагружена: горожане осмысливают и классифицируют места и людей при помощи эмоций, выкраивают свои «эмоциональные географии» в анонимном и обезличенном пространстве города, обозначают места как знакомые, важные, страшные или враждебные. Городские эмоции помогают раскрыть отношение к месту и людям — это чувства по поводу городских мест и людей в их отношении к этим местам. Места и пространство города выступают медиаторами в социальных процессах — например, в формировании социальных границ или солидарностей [Bondi et al., 2016; Sigona, 2015; Turam, 2013], а эмоции являются одним из механизмов этой медиации.

Эмоциональная жизнь городов всегда была предметом интереса городских исследований: Зиммель, Вебер, классики Чикагской школы обращали внимание на специфический эмоциональный эффект, который производят городская среда и ритм городской жизни на людей. В последние десятилетия в социальных науках наблюдается новый аффективный поворот: антропологи, географы и социологи все больше внимания уделяют роли эмоций в городских социальных и политических процессах.

Особый интерес вызывает проблема влияния эмоций на политическую жизнь. Например, как отмечает Найджел Трифт [Thrift, 2004, p. 58], городской аффект может быть задействован политическими игроками для достижения своих целей: дизайн городских территорий может быть сознательно направлен на стимулирование одних эмоций и подавление других. Отмечу, что не только облеченные властью игроки могут стратегически прибегать к эмоциональной работе по производству места — обычные горожане также способны это делать.

Существующие работы о городских эмоциях чаще всего фокусируются на страхе: его роли в формировании образов городских территорий, принципов городского планирования и го-

родского управления в целом [Bannister, Fyfe, 2001; Kramer, 2010; Low, 2008; Pain, 2001; Silverman, Della-Giustina, 2001]. В работах о городском страхе также развивается идея о стратегическом использовании страха для достижения политических целей — перераспределения городских ресурсов, установления ограничений и особого контроля за представителями отдельных социальных групп [Pain, 2001]. Нередко риторика страха используется для обоснования redevelopment городских территорий — с помощью масштабных проектов реконструкции (и реновации), эти «страшные» территории должны быть «вызволены» из лап беспорядка и страха [England, Simon, 2010, p. 204]. Ниже я продемонстрирую, что похожие риторики нагнетания страха и городского реваншизма были использованы в ходе подготовки программы реновации.

Однако эмоциональные механизмы, являющиеся частью конструирования мест и городской политики, не ограничиваются страхом. На примере реновации ниже я постараюсь показать, как противники и сторонники реновации апеллировали к чувствам москвичей, создавая разные аффективные дискурсы о районах пятиэтажной застройки. Сторонники реновации мобилизовывали чувство отвращения по отношению к пятиэтажкам, чтобы оправдать необходимость их сноса и «приведения в порядок» застроенных ими территорий. Ностальгия и любовь к малой родине — противоположные эмоции, к которым апеллировали противники реновации.

Ниже я привожу примеры эмоционального конструирования существующих и воображаемых городских районов как территорий социального исключения и концентрации социальных проблем. В контексте реновации горожане, как и чиновники, используют эти образы политически, как аргумент в споре о желательном и нежелательном развитии города. Важно понимать, что конкретные термины, используемые в этих спорах («гетто» и «периферия»), не так важны, как те координаты, которые используются в таких аргументах: оси «прошлое — будущее», «порядок — беспорядок», «окраина — центр». Характерно, что термин «гетто» может изменить свою эмоциональную окраску (например, превратиться в «гетто в хорошем смысле», как я покажу ниже), однако система координат останется неизменной. Эмоции — центральный механизм, позволяющий горожанам расположить городские территории в этой системе координат.

Городские эмоции и производство места в дискурсах о реновации

Программа реновации жилья в Москве была официально объявлена в начале 2017 года, и еще до формирования списков домов под снос вызвала сильный эмоциональный отклик у москвичей. Критерии включения жилых зданий в программу были сформулированы достаточно размыто: основной принцип включения — отнесение зданий к «первому периоду индустриального домостроения», то есть времени «индустриального строительства в Москве многоквартирных домов с количеством этажей не более девяти по типовым проектам, разработанным в период с 1957 по 1968 год, с использованием типовых изделий стен и (или) перекрытий» [Постановление Правительства..., 2017]. Под это описание подходит, по разным подсчетам, около четверти всего жилого фонда столицы. Более того, опубликованные в мае 2017 года списки включали здания, которые не проходили даже по этим размытым критериям: дома, построенные до и после указанного периода, по индивидуальным проектам, другой этажности. Технические характеристики зданий явно не были главным резонансом запуска программы. Обитатели этих домов принимали решение о том, как проголосовать и как вести себя на общих собраниях собственников не на их основании. Образы города, своего района, эмоциональная оценка настоящего и будущего играли важную роль в процессе принятия этих решений.

Воображаемые районы-«гетто» — часто встречающийся дискурсивный якорь в разговорах о городе. В данной статье речь пойдет именно о гетто как понятии, которое горожане используют, чтобы сформулировать свою позицию по отношению к определенным городским территориям и городским образам. Гетто как социологическое понятие имеет к этому эмическому понятию только косвенное отношение.

Сравнение с воображаемым «гетто» позволяет некоторым горожанам сформулировать свое представление о том, каким должна быть их обитаемая среда — их дом, район и город. «Гетто» — это также образ негативного будущего, с которым нужно бороться, из страха перед которым горожане формируют свои стратегии сегодня. Возвращаясь к предложенной

мною терминологии, «гетто» — это воображаемая «крайность», район, переполненный социальными проблемами, неконтролируемый и чуждый. Необходимость формулировать точку зрения, обозначать свою позицию по отношению к районам пятиэтажного жилья появилась в ходе противостояния противников и сторонников реновации, и образы негативного прошлого или будущего в высказываниях оппонентов нередко оформлялись в терминах периферии.

Нужно отметить, что активизм противников реновации более заметен, ведь им пришлось проводить больше публичной работы по мобилизации поддержки. Сторонники реновации вынуждены были предпринимать активные действия, если их подходящий по критериям дом не был включен в списки для голосования или если в их доме были активные противники реновации. В остальных случаях они могли просто воспользоваться предложенными механизмами голосования и ждать результата. Однако эмоционально вовлечены были обе стороны: активизировавшиеся противники реновации испытали шок, будущее представлялось им полным ужаса и неуверенности, в то время как сторонники реновации представляли свои будущие комфортные квартиры в современных высотных домах.

Этот процесс эмоционального производства городского будущего интересен и сам по себе: программа разделила людей на основании того, как виделось им будущее и какие эмоции они по этому поводу испытывали. Людям приходилось додумывать, каким может быть постреновационное будущее, исходя из своего опыта и базового уровня доверия к общественным институтам. В результате одни видели в реновации источник надежды, другие — угрозу. Например, моя собеседница Рита определила свое отношение к реновации довольно быстро, руководствуясь печальным опытом своей семьи, которая потеряла семейную квартиру в результате махинаций нечистоплотного брокера и не смогла добиться помощи от государственных институтов. В результате Рита жила в коммунальной квартире, пока не получила в наследство от дальнего родственника однокомнатную квартиру в хрущевке. Помня травматичный жилищный опыт своей семьи, она настороженно отнеслась к обещаниям столичных властей, и будущее реновации представляла себе в мрачных тонах. Сравнивая себя со сторонниками реновации, она сказала: «Когда человек не сталкивается, когда человек живет хорошо, ровно, он не знает, что бывает хуже. А когда человек знает, что бывает хуже, он уже мало верит обещаниям».

После того как решение было принято, сторонники и противники реновации начинали искать ему подтверждение. В процессе образы мест и будущего кристаллизировались и приобретали все более четкие очертания. Так, противники реновации находили дополнительные свидетельства низкого качества строительства современных многоэтажек, коррупционных связей между застройщиками и представителями городских властей, а также примеры неудачного переселения из пятиэтажек в новые дома. Такая информация в большом количестве появлялась в социальных сетях, в группах противников реновации, где пользователи коллективно представляли себе масштабы бедствия, стараясь привлечь на свою сторону жителей соседних зданий, не попавших в программу. Многие посты и листовки были адресованы этим людям, домам которых не угрожал снос, но которым угрожала «жизнь на стройке» с раскопанными дворами и улицами, шумом и летящей в окна грязью.

Городские страхи — рост пробок и нагрузки на общественный транспорт, коллапс систем канализации и водоснабжения, переполнение школ, детских садов и больниц — были связаны с увеличением плотности населения ввиду строительства высоток. Пользователи социальных сетей культивировали ощущение угрозы, нависшей над уютными, малоэтажными районами: они рисковали превратиться в «бетонные гетто». В антиреновационных группах в социальных сетях регулярно появляются записи с антиутопическими городскими образами: бетонные высотки, заслоняющие солнечный свет, вышедшая из-под контроля преступность приходят на смену зеленым и приятным глазу пятиэтажным кварталам. Страх «гетто» подпитывается ностальгией по «старой Москве», малоэтажной, родной и знакомой.

Сторонники реновации также подпитывали свою позицию эмоциональными картинками. Однако в их случае основными эмоциями были отвращение к зданиям и кварталам советской застройки и надежда на новую жизнь в современных жилых кварталах, которые полностью изменят облик районов, застроенных «разваливающимися» пятиэтажками. Они воспринимали свои дома и кварталы как «морально устаревшие», даже когда признавали, что техническое со-

стояние здания не настолько плохо. Например, Алена, поддержавшая реновацию, подчеркнула эмоциональный эффект жилой среды во время нашей прогулки по ее кварталу, полностью застроенному пятиэтажками:

Страшнее наших хрущевок нет ничего. Если даже вот так посмотреть: вот этот дом стоит, и вот наши панельные, 510-я серия. 1-510. Они даже с виду, при свете дня, они просто депрессивные. Вот меня, если честно, вгоняют в какое-то чувство безысходности, что ли.

Соседи с разным видением ситуации совершенно по-разному характеризовали качество одних и тех же жилых кварталов. Противники реновации говорили о них при помощи других эмоций — их высказывания апеллировали к любви к «своему» месту и ностальгии. Александра, активная противница реновации, объяснила свое желание сохранить район малоэтажным так:

Я обожаю пятиэтажки. Ты идешь — и у тебя есть пространство рядом с тобой. Когда у тебя все дома вот такие [высотные. — А.Ж.], ты идешь, и у тебя коридор, ты идешь в коридоре. И ты видишь, как лошадь, — только вперед. Пятиэтажки — это офигенски. У тебя есть деревья, есть небо, есть ощущение мира. Я люблю, я обожаю пятиэтажки. Я за малоэтажную Москву. Очень тяжело жить, когда... тем более то, что они показывают, что они хотят делать, — эта квадратно-гнездовая застройка <...>. Это же вообще, везде были эксперименты, что это не работает — превращается в гетто.

В ходе разговора Александра подчеркивала свою связь с районом, рассказывая о своей семейной истории, бабушке, которая жила в этом месте еще до строительства хрущевок, о своих детских воспоминаниях о районе. Ее рассказ был окрашен ностальгией и болью, которую вызывали у нее перспективы реновации и полного изменения облика места, эстетика которого была для нее такой родной.

Противники реновации: ностальгия и страх перед фронтиром

Эмоциональное конструирование места, как видно из приведенных выше цитат, может задействовать образы «гетто» и периферии. Противники реновации нередко апеллировали к таким образам, чтобы объяснить мне, какого будущего, уготованного им программой реновации, они не хотят. Эти образы могли быть абстрактными, а могли подкрепляться примерами каких-либо районов, которые, по мнению говорящего, имели нежелательные характеристики. Чаще всего это были районы на окраине или московские окраины прошлого. Так, в качестве подобного образа в одном из интервью (с Александрой, противницей реновации) фигурирует Бибирево 1990-х:

Например, в Бибиреве первые 15 лет, когда мы жили, там было гетто. Были 90-е, ну, гетто — там как бы... весь шлак жил в Бибиреве. Разборки на цепях среди молодежи. Это было нормально, никто на это не обращал внимания. Это сейчас там все проросли, от Бибирева там уже откопали дальше. Когда мы переехали туда — наш дом был последний. После нашего дома ничего не было. <...> И потом там построили новые дома — это же тоже социальное жильё все было. Это реальное гетто было.

Судя по цитате, в Бибиреве 1990-х все нормализовалось, когда оно перестало быть географической окраиной (появились более дальние дома) и когда «там все проросли»: когда место было освоено и обжито, перестало быть «крайностью». Новое место, даже если оно технически находится не на самом краю города, может тем не менее восприниматься как крайность: отсутствие укорененности, обжитости может отпугивать. Поквартальный снос и застройка новых жилых комплексов, высотных и даже визуально напоминающих то, что многие горожане привыкли представлять себе как городскую окраину, могут восприниматься так же, как и реальный городской фронтир-окраина.

Противоположность этой пугающей новизне-крайности — восприятие районов, затронутых реновацией, как укорененных в прошлом, с характерной неспешностью и ненасыщенностью жизни. Периферийность таких районов — результат того, что они не находятся в цен-

тре внимания — ни девелоперов, ни городских властей, ни СМИ, что позволяет им сохранять характеристики, которые кажутся некоторым москвичам привлекательными. Интересно, что одна из моих собеседниц, Анна, противница реновации, также использовала слово «гетто», но подчеркнула другую грань:

[Наш район] — это такое гетто, но гетто в таком хорошем смысле, советском. Где все друг друга знают, где зеленые дворы, где коробка во дворе, лед заливают, и каждый день энтузиасты заливают эту коробочку льдом и закрывают ее на замочек, чтобы не портили этот лед. Вот в хорошем смысле — такой небогатый, но остаточек советской Москвы <...>. Там общность такая, небольшая советская общность осталась, там остаточки вот этой вымирающей Москвы советской. Тоже хорошо.

Периферия-крайность в контексте реновационных дискуссий — это в первую очередь крайне высотная жилая застройка. С этой физической характеристикой противники реновации связывают всевозможные социальные проблемы: в первую очередь размывание социального контроля и порядка. Виктор, противник реновации и ответственный житель пятиэтажки, который лично следит за состоянием своего дома и постоянно взаимодействует с соседями по этому поводу, проблемы районов новостроек связывает именно с высотностью. «Советское гетто» в них сменяется «проблемным гетто»:

Восемь [этажей] — уже напрягает. Четырнадцать — [ни в коем случае] нет! Потому что все равно в подъезде я знаю всех соседей. <...> Поэтому как-то контролировать маленькое пространство — это проще. Я считаю, что эти дома безопаснее. Четырнадцать, двадцать этажей — кто эти люди, я их не знаю! Если те же 50% будут сдавать, это 200 квартир, которые постоянно меняются, ротация происходит раз в полгода.

Виктор подкрепил свое мнение примером района Солнцево, где ему пришлось оказаться в поисках украденного велосипеда:

Я вызвал полицию солнцевскую, я один не могу туда поехать. Ну поехали. Так они в дом не могли попасть. У меня все наряды в отделении полиции знают все коды от домофонов в нашем районе. <...> В общем, они знают тех, кто живет долго. Они тоже меняются, но они быстро узнают. А если у тебя эта стенка — мы стоим как три дурака, два патрульных и я. И мы не знаем, как консьержке позвонить, кто-то сорвал. И стоим, и все. Они позвонили в какую-то квартиру: вот, полиция! И чо? И трубку повесили. Я в такой дом не хочу. Мне важно малоэтажность, малозаселенность. Чем меньше людей, тем проще с ними взаимодействие. Чем меньше система, тем более она управляема.

Солнцево, Некрасовка, Выхино, Митино — с образом этих московских районов высотных новостроек обитатели пятиэтажек сопоставляли свои кварталы, представляя свое будущее в новостройках. Периферия-крайность представлялась им как «муравейник», с высотным жильем, высокой плотностью населения, безличностью, отсутствием удобных дворов и общественных зон.

Интересно, что «крайность» в этом контексте часто приобретает темпоральное, а не географическое измерение: высотное строительство со всеми его характеристиками связывается с будущим, а малоэтажность — с прошлым, причем «советским». Рита, еще одна противница реновации, употребила этот эпитет, даже говоря о Некрасовке, где ее подруга приобрела жилье:

Эти дома еще строили при Лужкове. Этим домам лет 10–15. Она купила при Лужкове, ей еще повезло, соблюден еще немножко советский стандарт. Дом, дом, детский садик, башня, здесь детская площадка, в соседнем дворе школа. И хотя дома 17–20-этажные, но соблюден вот это вот пространство. Это она купила в 2010 году. А сейчас я у нее была недавно летом, где раньше были поля и леса, там дальше идет застройка, дома выше 25 этажей, уже не 17 этажей, и дома идут плашмя. <...> Я просто боюсь того, что действительно очень одиноко, страшно, дискомфортно, такая атмосфера.

Темпоральность периферии в этой цитате присутствует в двух измерениях, которые я отмечаю выше: континуум «прошлое — настоящее — будущее», а также пугающая новизна перемещающегося фронта, качества которого (с точки зрения говорящей) ухудшаются со временем.

Сторонники реновации: устремленность в будущее и отвращение к рухляди

Сторонники реновации также интерпретировали высотность как современность и обновление, но с другим знаком. Для многих из них высотные здания — это не путь к упадку, а путь к современному и подобающему жилью: супружеская пара, Михаил и Татьяна, владельцы двухкомнатной квартиры в хрущевке, проголосовали за включение их дома в программу. Они рассказали мне о своих планах на ремонт в квартире, которую планировали получить по реновации в высотном доме. Михаил и Татьяна, очевидно, провели немало времени, обсуждая это друг с другом, и мысленно уже были в этом комфортном и современном будущем, которого они готовы были терпеливо ждать. Свое видение будущего они подкрепляли образами из настоящего уже застроенных высотных районов:

Михаил: Смотрите, здесь напротив новостройки, вот эти четыре, недавно совсем, их несколько лет строили, сейчас уже заселяют. Там везде свет горит, ремонты идут. Там вообще этажей, по-моему, по тридцать.

Татьяна: Да, очень высокие.

Михаил: Прямо такие современные дома с полностью стеклянными фасадами, остекление от пола до потолка.

Лиля, единственная обитательница трехкомнатной квартиры в пятиэтажке, куда она переехала недавно из родительской квартиры в Химках, также хотела бы жить в высотном доме, что представлялось ей более современным. Она также проголосовала за включение своего дома в программу реновации, потому что малоэтажное советское жилье казалось ей пережитком прошлого:

Мне, в принципе, [высотное жилье] нравится. Потому что все развивается и надо понимать, что малочисленность Москвы уже далеко в прошлом. Просто если... хоть они и малоэтажные, населенность от этого все равно растет, потому что квартир нет, но люди живут уже бараками в однокомнатной, и сильно ничего это не меняет. Так просто люди разъедутся по разным. Мне нравятся высокие этажи.

Другая моя собеседница, Зинаида, активная сторонница реновации, характеризовала свою жилую среду как уродливую, несовременную и неподходящую для нее как современной горожанки. Предложив мне прогулку по району, Зинаида предупредила: «Вы сами увидите и поймете эту картину. Это вообще некрасиво. Ты просто заезжаешь как будто в деревню!» Во время прогулки она подчеркнула контраст между новым высотным жилым комплексом, недавно построенным по соседству с пятиэтажными кварталами:

Я считаю, что городская инфраструктура должна меняться в соответствии с тем, что есть, а в нашем районе очень большой дисбаланс. Два района, граничащие между собой, на одной стороне — огромные, просто великолепнейшие дома, комплекс «Колоннада»², и напротив нее — жалкий район пятиэтажек. Это неэстетично.

В образах мест, которыми оперировали сторонники и противники реновации, неизбежно присутствовало темпоральное измерение, а также апелляции к «нормальности» и «ненормальности» определенных типов городской среды. Эстетические суждения — также не редкость, и они могут политизироваться в ходе городских конфликтов. Горожане осмысливают Москву, представляя себе ее центр и окраины, ее прошлое и будущее, и среди этих измерений они

² Название изменено.

находят место для себя. Далее я рассмотрю, как эти смыслы и чувства политизировались в ходе дискуссий о реновации.

Городские эмоции как политический инструмент

Роль эмоций в политике — популярная тема в современной политической социологии и исследованиях общественных движений [Aminzade, McAdam, 2002; Goodwin et al., 2001], и наработки из этой дисциплинарной области могут быть полезны для объяснения политических процессов в городе. Как показывают эти исследования, чувства — наиндивидуальный процесс, выполняющий важные коммуникативные и когнитивные функции [Jasper, 2018]. Городские эмоции, чувства, испытываемые по отношению к местам и территориям, могут становиться основой локальных идентичностей либо призывом к действию, в частности, к изменению, переустройству места.

Описанные выше представления о периферийности, прошлом и будущем в отношении районов, затронутых реновацией, стали таким призывом к действию в контексте этой программы. Горожане и чиновники использовали их как аргумент в споре, как механизм убеждения. Некоторые информанты говорили, что их изначальное мнение о программе менялось, что новая надежда — или угроза — на переселение изменяла их восприятие своего района и дома. СМИ и социальные сети играли в этих процессах переоценки существенную роль: люди, которых сначала вполне устраивало их жилье, начинали видеть его недостатки, и наоборот.

Разные участники политического процесса апеллировали к эмоциям — к грусти (ностальгии) или к отвращению, чтобы убедить жителей занять определенную позицию. Работа с эмоциями проводилась на разных аренах — в прессе, социальных сетях, на встречах чиновников с жителями. Например, главный архитектор Москвы Сергей Кузнецов в одном из интервью напрямую связал пространственную форму районов пятиэтажек и уровень преступности и всевозможных социальных проблем:

По показателям человеческого капитала ситуация в городе неравномерная: преступность, образование, доходы населения, продолжительность жизни — это то, что измеряет благополучие территории. Действительно, спальные районы, особенно районы пятиэтажек, традиционно имеют показатели хуже. Не связать это с качеством среды невозможно. Очевидно, карта благополучия полностью коррелирует с планировочной картой города. И поэтому я очень надеюсь, что мы поправим здоровье города и социальную ситуацию через развитие районов [Рузманова, 2017].

Администрация города и местные власти неоднократно воспроизводили идею о бесполезности ремонта в пятиэтажках [при этом пятиэтажки, попавшие в программу, весьма разнообразны по техническому состоянию и качеству даже по официальным данным об износе зданий]. Тем не менее многие СМИ публиковали преимущественно изображения разваливающихся домов и квартир в плачевном состоянии, непригодных для проживания. Как отмечали некоторые мои собеседники, журналисты специально выискивали квартиры, где можно было снять «картинки», подкрепляющие репутацию пятиэтажек как безнадёжного жилья.

Оппоненты реновации параллельно проводили работу по мобилизации ностальгии и привязанности к месту, чтобы противостоять этим официальным нарративам. Альтернативные эмоциональные нарративы о старой и малоэтажной Москве позволяли им укреплять солидарность среди единомышленников и подчеркнуть важность московской идентичности.

Платформой для столкновения и политизации этих противоположных эстетических и эмоциональных позиций часто становились социальные сети. Именно там противники и сторонники реновации подкрепляли свои нарративы визуальными материалами. В группах «за реновацию» можно обнаружить большое количество фотографий, показывающих старые квартиры в очень плохом состоянии, и для контраста — визуализации будущих квартир и зданий, обещанных по программе реновации. Также размещались фотографии из шоурума на ВДНХ, который летом 2017 года демонстрировал макеты будущих квартир. После первых переселений в группах стали появляться фотографии и видео новых, уже реальных, жилых помещений и домов. На рис. 1 приведен пример фотографии «до и после», которая была размещена в одной из прореновационных групп в социальной сети «ВКонтакте»:

Рис. 1. Сравнение «до и после»

Источник: группа «ВКонтакте», «Сноска». https://vk.com/albums-74966679?z=photo-74966679_456251758%2Fphotos-74966679.

Группы «против реновации» также активно использовали визуальный материал, который мотивировал совершенно иные эмоции. Привязанность к месту и боль расставания с ним — основные чувства, которые культивировало движение против реновации. Люди размещали фотографии своих зеленых дворов и улиц, своих квартир с хорошим ремонтом, чтобы проиллюстрировать, что такое «их» Москва, что не все пятиэтажки — низкокачественное неухоженное жилье. Пользователи группы «Москвичи против реновации» собирали и размещали в интернете целые галереи художественных изображений пятиэтажек, каждое из которых сопровождалось высказыванием кого-либо из пользователей. Большинство этих подписей носят ностальгический характер, наполнены болью и страхом потерять родной и любимый городской ландшафт, нередко сопровождаются призывами защищать «Москву, которую мы любим».

Эта Москва противопоставляется страшной Москве будущего, застроенной высотками и автотрассами, которые вытеснят уютные зеленые дворы. В группах часто появляются статьи и фотографии, показывающие новое жилое строительство на московских окраинах как пугающее будущее, ждущее столицу. Комментарии под такими фотографиями часто похожи: «Это не моя Москва» — один из самых распространенных.

Противники реновации также размещают коллажи формата «до и после», которые показывают пятиэтажки в гораздо более позитивном ключе: уютные гостиные, иногда с самими жителями в кадре, сравниваются с маленькими и «бездушными» комнатами в новостройках, сопоставляется качество сантехники в любовно отремонтированных квартирах в пятиэтажках и построенных на скорую руку высотках. На рис. 2 приводится сравнение двора рядом с включенными в реновацию зданиями и двора новостройки. Этот коллаж был размещен в одной из антиреновационных групп в составе целой подборки подобных изображений, сопровождающих полный отчаяния пост.

Вся эта работа проделывалась пользователями для того, чтобы целенаправленно мобилизовать аффект москвичей, призвать их к действию. Образы периферии, понятые принципиально по-разному представителями про- и антиреновационного лагерей, стали одним из стержней, вокруг которого кристаллизовались позиции и мобилизовались эмоции. Обе стороны пытались отстоять свое право не быть на периферии: сторонники программы старались избежать замедленного и заброшенного существования районов пятиэтажек, максимизировать современность и интенсивность своей жилой среды. Противники реновации, напротив, противопоставляли наступлению периферии — высотного, насыщенного социальными проблемами жилья.

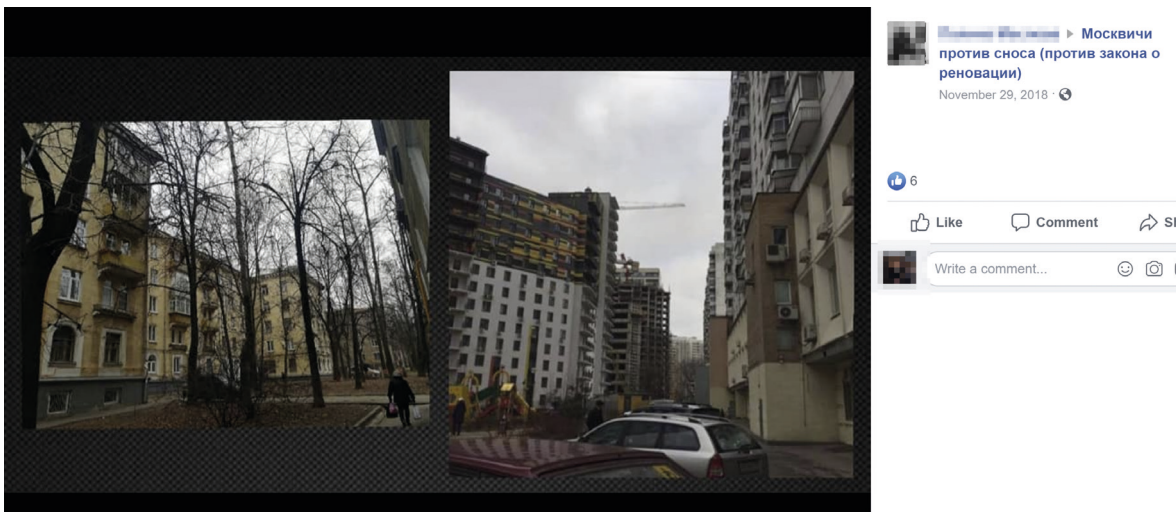

Рис. 2. Вид двора «до и после»

Источник: Facebook*, группа «Москвичи против сноса (против закона о реновации)». https://www.facebook.com/photo.php?fbid=340569200073911&set=pcb.947345202137392&type=3&theater*.

Вместо заключения

Запуск программы реновации жилья в Москве стимулировал оживленные дискуссии не только о судьбах конкретных домов, но и о судьбе города в целом. Одна тема стала фоном для многих частных дискуссий — образы желанной и нежеланной городской среды, образы будущего города. В этой статье я постаралась показать, как периферийность и борьба с ней стали одним из краеугольных камней этих обсуждений. Хотя мои собеседники и участники тематических групп в социальных сетях почти не использовали понятие «периферия», я прихожу к выводу, что, описывая свои страхи по поводу высотных и безличных жилых комплексов или свое уныние от монотонных хрущевских кварталов, люди формулируют собственное отношение к будущему города через отсылку к периферии — либо к новым окраинным гигантам, либо к перифериям внимания, забытым и лишенным ресурсов.

Кварталы, затронутые программой реновации, также оказались в специфическом темпоральном режиме: горожане переосмыслили прошлое и будущее своих районов и свое собственное, связывая их прошлое с определенным архитектурным и пространственным форматом. Будущее, закрепленное за высотками и кварталами без общественных и зеленых пространств, страшило противников реновации, в то время как устаревшие и несоответствующие современным стандартам кварталы пятиэтажек отвращали сторонников.

Эмоции, которые люди выражали по поводу прошлого, будущего и разных типов жилья, были одним из ключевых механизмов мобилизации в поддержку той или иной позиции. Горожане принимали решения на основании стратегических расчетов, своего опыта взаимодействия с государственными структурами и своими соседями, информации, которая у них была о программе и московской политике в целом. Однако именно эмоции и аффективно насыщенные образы города были необходимы для того, чтобы москвичи солидаризировались или отмежевывались друг от друга, чтобы они проявляли настойчивость и продолжали бороться за то видение своей жилой среды, которое они считали правильной.

Эмоции и темпоральность, связанные с восприятием горожанами периферии, представляются перспективными направлениями дальнейших исследований: как показывает пример районов, затронутых программой реновации жилья в Москве, географическая периферия — не единственный вид территорий, который может быть структурирован представлениями

*Социальные сети Instagram и Facebook запрещены на территории Российской Федерации. 21.03.2022 компания Meta признана экстремистской организацией.

о ней. Возвращаясь к процитированному выше Абдумалику Симону, можно сказать, что периферия действительно влияет на жизнь города в целом — на то, чего он боится и к чему стремится.

Источники

- Бурдые П. (2007) Физическое и социальное пространства. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии. С. 49–64.
- Григорян Ю. (ред.) (2013) Археология периферии. Московский урбанистический форум.
- Желнина А., Зиновьев А., Кулева М. (2013) “На районе”: Молодежные солидарности на городской периферии. Социологические исследования. № 10. С. 69–76.
- Постановление Правительства Москвы от 01.08.2017 N 497-ПП “О Программе реновации жилищного фонда в городе Москве”, N 497-ПП (2017). Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MLAW;n=179618;dst=100041#07989110675335773> (дата обращения: 17.02.2020).
- Рузманова Ю. (2017) Главный архитектор Москвы — о связи реновации с преступностью и бюро Захи Хадид. 20 ноября 2017//The Village. Режим доступа: <https://www.the-village.ru/village/city/city-interview/292020-vuu-s-kuznetsovum> (дата обращения: 17.02.2020).
- Шляховая А.А., Дохов Р.А. (2018) Дворулица: перезапуск периферии постсоциалистического города//Городские исследования и практики. Т. 3. № 1. С. 40–62.
- Aminzade R., Mcadam D. (2002) Emotions and Contentious Politics//Mobilization: An international Quarterly. No. 7 (2). P. 107–109.
- Bannister J., Fyfe N. (2001) Introduction: Fear and the City. Sage Publications Sage UK: London, England.
- Beauregard R.A. (1995) Edge Cities: Peripheralizing the Center//Urban Geography. Vol. 16. No. 8. P. 708–721.
- Bondi L., Davidson J., Smith M. (eds.) (2016) Emotional Geographies. London: Routledge.
- Do Rio Caldeira T.P. (2000) City of Walls: Crime, Segregation, and Citizenship in São Paulo. University of California Press.
- Duyvendak J.W. (2011) the Politics of Home: Belonging and Nostalgia in Europe and the United States. Springer.
- England M.R., Simon S. (2010) Scary Cities: Urban Geographies of Fear, Difference and Belonging//Social & Cultural Geography, Vol. 11. No. 3. P. 201–207.
- Ghertner D.A. (2015) Rule by Aesthetics: World-Class City Making in Delhi. Oxford University Press, Oxford.
- Ghertner D.A. (2017) When is the State? Topology, Temporality, and the Navigation of Everyday State Space in Delhi//Annals of the American Association of Geographers. Vol. 107. No. 3. P. 731–750.
- Golubchikov O., Phelps N. A. (2011) the Political Economy of Place At the Post-Socialist Urban Periphery: Governing Growth on the Edge of Moscow//Transactions of the Institute of British Geographers. Vol. 36. No. 3. P. 425–440.
- Goodwin J., Jasper J. M., Polletta F. (2001) Passionate Politics: Emotions and Social Movements. University of Chicago Press.
- Holston J. (2008) insurgent Citizenship: Disjunctions of Democracy and Modernity in Brazil. Princeton University Press.
- Jasper J.M. (2018) the Emotions of Protest. University of Chicago Press.
- Kramer R. (2010) Moral Panics and Urban Growth Machines: Official Reactions To Graffiti in New York City, 1990–2005//Qualitative Sociology. Vol. 33. No. 3. P. 297–311.
- Low S. (2008) Fortification of Residential Neighbourhoods and the New Emotions of Home//Housing, Theory and Society. Vol. 25. No. 1. P. 47–65.
- Miles A., Ebrey J. (2017) The Village in the City: Participation and Cultural Value on the Urban Periphery//Cultural Trends. Vol. 26. No. 1. P. 58–69.
- Oviedo Hernandez D., Titheridge H. (2016) Mobilities of the Periphery: informality, Access and Social Exclusion in the Urban Fringe in Colombia//Journal of Transport Geography. Vol. 55. P. 152–164.
- Pain R. (2001) Gender, Race, Age and Fear in the City//Urban Studies. Vol. 38. No. 5–6. P. 899–913.
- Ranganathan M. (2014) Paying For Pipes, Claiming Citizenship: Political Agency and Water Reforms At the Urban Periphery//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 38 No. 2. P. 590–608.
- Rast J. (2012) Why History (Still) Matters: Time and Temporality in Urban Political Analysis//Urban Affairs Review. Vol. 48. No. 1. P. 3–36.
- Sakizlioglu B. (2014) Inserting Temporality into the Analysis of Displacement: Living Under the Threat of Displacement//Tijdschrift Voor Economische En Sociale Geografie. Vol. 105. No. 2. S. 206–220.

- Sigona N. (2015) Campzanship: Reimagining the Camp As A Social and Political Space//Citizenship Studies. Vol. 19. No. 1. P. 1–15.
- Silverman E.B., Della-Giustina J.-A. (2001) Urban Policing and the Fear of Crime//Urban Studies. Vol. 38. No. 5–6. P. 941–957.
- Simone A. (2010) 2009 Urban Geography Plenary Lecture – on intersections, Anticipations, and Provisional Publics: Remaking District Life in Jakarta//Urban Geography. Vol. 31. No. 3. P. 285–308.
- Thrift N. (2004) Intensities of Feeling: Towards A Spatial Politics of Affect//Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. Vol. 86. No. 1. P. 57–78.
- Turam B. (2013) the Primacy of Space in Politics: Bargaining Rights, Freedom and Power in an İstanbul Neighborhood//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 37. No. 2. P. 409–429.
- Wacquant L. (1993) Urban Outcasts: Stigma and Division in the Black American Ghetto and the French Urban Periphery//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 17. No. 3. P. 366–383.
- Wacquant L. (1999) Urban Marginality in the Coming Millennium//Urban Studies. Vol. 36. No. 10. P. 1639–1647.
- Wacquant L. (2008) Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality. Cambridge, MA: Polity.
- Wallace A. (2015) Gentrification interrupted in Salford, UK: from New Deal To “Limbo-Land” in a Contemporary Urban Periphery//Antipode. Vol. 47. No. 2. P. 517–538.

ANNA ZHELNINA

“GHETTO IN A GOOD SENSE” VERSUS “THE CONCRETE GHETTO”: NEIGHBORHOOD DISCOURSES AND RENOVATION IN MOSCOW¹

Anna A. Zhelnina, Associate Professor, Candidate of Sociological Sciences, Department of Sociology, Saint-Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, HSE University in St. Petersburg; 55 bldg.2 Sedova Street, Saint Petersburg, 192148, Russian Federation.

E-mail: azhelnina@gmail.com

Abstract

The housing renovation program in Moscow was officially announced in early 2017 and, even before the rosters of condemned buildings were finalized, created emotional turmoil. In this paper, I demonstrate how emotions were used during the pro- and anti-Renovation mobilization. An important element of this emotional work was the emotional construction of periphery: building on their different ideas of periphery, Muscovites formulated their visions of an ideal or undesirable city. The perception of past and future along with the aesthetics attached to them shape the perception of place and can become an instrument of political action. Supporters and opponents of the Renovation fought for their right not to be pushed to the periphery: supporters tried to escape the slow and abandoned existence in the socialist 5-storey buildings and maximize the intensity and the modern character of their living environment. The opponents of the Renovation resisted the encroachment of the periphery: high-rise housing full of various social problems.

Key words: renovation of housing; Moscow; periphery; emotions; temporality

Citation: Zhelnina A. (2019) “Ghetto in a Good Sense” versus “The Concrete Ghetto”: Neighborhood Discourses and Renovation in Moscow. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 21–36 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17323/usp42201921-36>

References

- Aminzade R., McAdam D. (2002) Emotions and contentious politics. *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 7, no 2, pp. 107–109.
- Bannister J., Fyfe N. (2001) *Introduction: Fear and the city*. Sage Publications Sage UK: London, England.
- Beauregard R.A. (1995) Edge cities: Peripheralizing the center. *Urban Geography*, vol. 16, no 8, pp. 708–721.
- Bondi L., Davidson J., Smith M. (eds.) (2016) *Emotional geographies*. London: Routledge.
- Bourdieu P. (2007) Fizicheskoye i sotsial'noye prostranstvo [Physical and Social Space]. *Sociologiya social'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow: Institut Eksperimental'noy Sociologii [Institute of Experimental Sociology], pp. 49–64. (in Russian)
- do Rio Caldeira T.P. (2000) *City of walls: Crime, segregation, and citizenship in São Paulo*. University of California Press.
- Duyvendak J.W. (2011) *The politics of home: Belonging and nostalgia in Europe and the United States*. Springer.
- England M.R., Simon S. (2010) Scary cities: Urban geographies of fear, difference and belonging. *Social & Cultural Geography*, vol. 11, no 3, pp. 201–207.
- Ghertner D.A. (2015) *Rule by aesthetics: World-class city making in Delhi*. Oxford University Press, Oxford.

¹ The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2019–2020 (grant № 19-04-010) and within the framework of the Russian Academic Excellence Project “5-100”.

- Ghertner D.A. (2017) When Is the State? Topology, Temporality, and the Navigation of Everyday State Space in Delhi. *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 107, no 3, pp. 731–750.
- Golubchikov O., Phelps N.A. (2011) The political economy of place at the post-socialist urban periphery: Governing growth on the edge of Moscow. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 36, no 3, pp. 425–440.
- Goodwin J., Jasper J.M., Polletta F. (2001) *Passionate politics: Emotions and social movements*. University of Chicago Press.
- Grigoryan YU. (Ed.). (2013) *Arheologiya periferii [Archeology of periphery]*. Moscow: MUF. (in Russian)
- Holston J. (2008) *Insurgent citizenship: Disjunctions of democracy and modernity in Brazil*. Princeton University Press.
- Jasper J.M. (2018) *The Emotions of Protest*. University of Chicago Press.
- Kramer R. (2010) Moral panics and urban growth machines: Official reactions to graffiti in New York City, 1990–2005. *Qualitative Sociology*, vol. 33, no 3, pp. 297–311.
- Low S. (2008) Fortification of residential neighbourhoods and the new emotions of home. *Housing, Theory and Society*, vol. 25, no 1, pp. 47–65.
- Miles A., Ebrey J. (2017) The village in the city: Participation and cultural value on the urban periphery. *Cultural Trends*, vol. 26, no 1, pp. 58–69.
- Oviedo Hernandez D., Titheridge, H. (2016) Mobilities of the periphery: Informality, access and social exclusion in the urban fringe in Colombia. *Journal of Transport Geography*, vol. 55, pp. 152–164.
- Pain R. (2001) Gender, race, age and fear in the city. *Urban Studies*, vol. 38, no 5–6, pp. 899–913.
- Postanovleniye pravitel'stva Moskvyy ot 01.08.2017 N 497-ПП "O programme renovacii zhilishnogo fonda v gorode Moskve," no. N 497-ПП (2017). [Moscow government decree "On the Renovation of housing stock in the city of Moscow" no. N 497-PP]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MLAW;n=179618;dst=100041#07989110675335773> (accessed 17.02.2020). (in Russian)
- Ranganathan M. (2014) Paying for Pipes, Claiming Citizenship: Political Agency and Water Reforms at the Urban Periphery. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 38, no 2, pp. 590–608.
- Rast J. (2012) Why history (still) matters: Time and temporality in urban political analysis. *Urban Affairs Review*, vol. 48, no 1, pp. 3–36.
- Ruzmanova YU. (2017, 20 November) Glavnyi arhitekto Moskvy – o svyazi renovacii s presupnostyu i byuro Zahi Hadid. [Moscow's main architect on renovation's relation to crime and Zaha Hadid's bureau] *The Village*. Available at: <https://www.the-village.ru/village/city/city-interview/292020-vyu-s-kuznetsovym> (accessed 17.02.2020). (in Russian)
- Sakizlioğlu B. (2014) Inserting temporality into the analysis of displacement: Living under the threat of displacement. *Tijdschrift Voor Economische En Sociale Geografie*, vol. 105, no 2, pp. 206–220.
- Shlyakhovaya A.A., Dohov R.A. (2018) Shlyakhovaya A., Dokhov R. (2018) Dvorulitsa (Yardstreet): A Reboot Method for the Semi-Periphery of a Post-Socialist City. *Urban Studies and Practices*, vol. 3, no 1, pp. 40–62. (in Russian)
- Sigona N. (2015) Campzanship: Reimagining the camp as a social and political space. *Citizenship Studies*, vol. 19, no 1, pp. 1–15.
- Silverman E.B., Della-Giustina J.-A. (2001) Urban policing and the fear of crime. *Urban Studies*, vol. 38, no 5–6, pp. 941–957.
- Simone A. (2010) 2009 Urban Geography Plenary Lecture—on Intersections, Anticipations, and Provisional Publics: Remaking District Life in Jakarta. *Urban Geography*, vol. 31, no 3, pp. 285–308.
- Thrift N. (2004) Intensities of feeling: Towards a spatial politics of affect. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, vol. 86, no 1, pp. 57–78.
- Turam B. (2013) The Primacy of Space in Politics: Bargaining Rights, Freedom and Power in an İstanbul Neighborhood. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 37, no 2, pp. 409–429.
- Wacquant L. (1993) Urban outcasts: Stigma and division in the black American ghetto and the French urban periphery. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 17, no 3, pp. 366–383.
- Wacquant L. (1999) Urban marginality in the coming millennium. *Urban Studies*, vol. 36, no 10, pp. 1639–1647.
- Wacquant L. (2008) *Urban outcasts: A comparative sociology of advanced marginality*. Cambridge, MA: Polity.
- Wallace A. (2015) Gentrification Interrupted in Salford, UK: from New Deal to "Limbo-Land" in a Contemporary Urban Periphery. *Antipode*, vol. 47, no 2, pp. 517–538.
- Zhel'nina A., Zinov'yev A., Kuleva M. (2013) "Na rayone": Molodezhniye solidarnosti na gorodskoy periferii [In the 'hood: Youth solidarities in the urban periphery]. *Sociologicheskkiye issledovaniya [Sociological Studies]*, no 10, pp. 69–76. (in Russian)